18+

ДЖОРДЖ БАРР МАККАТЧЕН

ГРАУСТАРК

адаптация и перевод
НАТАЛЬИ МЕЙТИН

Джордж Барр Маккатчен

Граустарк

«Издательские решения»

Маккатчен Д.

Граустарк / Д. Маккатчен — «Издательские решения»,

Американец Гренфолл Лорри скучает в поезде из Денвера, пока в тёмном коридоре не сталкивается с загадочной незнакомкой. Ради неё он отправится на край карты — в крошечное горное княжество Граустарк, где его ждут дворцовые интриги, дуэли, тюремная башня и любовь, которой мешает корона. Классический приключенческий роман Джорджа Барра Маккатчена в живой современной адаптации Натальи Мейтин.

© Маккатчен Д.
© Издательские решения

Содержание

ГРАУСТАРК 6
ГЛАВА I 7
ГЛАВА II 11
ГЛАВА III 15
ГЛАВА IV 19
ГЛАВА V 24
ГЛАВА VI 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Граустарк

Джордж Барр Маккатчен

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Джордж Барр Маккатчен, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5969-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГРАУСТАРК

Роман Джорджа Барра Маккатчена
Адаптация и перевод Натальи Мейтин

ГЛАВА I

Мистер Лорри знакомится с проводником, монетой и собственным любопытством

Мистер Гренфолл Лорри садился в поезд в Денвере с видом мученика, которого ведут на казнь. Он изъездил полсвета, но перспектива проехать две с половиной тысячи миль в одиночестве наполняла его тоской. Страну он знал, виды давно приелись, газеты не интересовали, а попутчиков он предпочитал избегать. Он мрачно кивнул носильщику на чемоданы и поднялся на ступеньки.

Но скучать ему не пришлось.

В тёмном коридоре он наткнулся на чью-то фигуру у окна. С неохотной вежливостью извинился. Дама поднялась, пропуская его, и на миг их взгляды встретились. С той минуты мили полетели под колёсами с невероятной быстротой.

Лорри убивал время в Мексике и Калифорнии. Много лет он, как и многие, считал, что всякое путешествие начинается с морского плавания: едва окончив Гарвард и распрощавшись с Кембриджем, он отправился вокруг света, рыбачил в Норвегии, охотился в Индии, стрелял куропаток на шотландских пустошах и проходил на лодке нильские пороги выше Асуана. Он изъездил побережье Южной Америки, Россию, долину Роны, Бретань и Дамаск — всё видел, но только теперь ему пришло в голову, что и дома может найтись что-то интересное. Мысль о Мексике пришла внезапно — и он был таков.

В семье считали, что ему пора перестать шататься по свету и взяться за работу. Но его предусмотрительный отец оставил ему богатую мать, и раз уж зарабатывать на жизнь не было нужды, он не видел, с какой стати это должно быть долгом. «Работа к лицу некоторым мужчинам, — заявил он однажды, — как бакенбарды или красный галстук. Но из этого не следует, что все могут её носить». После этого семейство признало его «безнадёжным», и спор затих.

Ему не было и тридцати, собой он был не хуже большинства мужчин, ни от кого не зависел, и его доход выдерживал и лучшие рестораны, и прогулки по Нилу. Он никогда не уставал смотреть на людей и места. «Дичь можно найти где угодно, — говорил он, — только не всегда сезон. Будь у меня миллионы, я завёл бы газету. Тогда приключения сами приходили бы ко мне. А так — я беден и вынужден гоняться за ними по свету».

Временами ему становилось скучновато — не от того, что он слишком много повидал, а оттого, что оставалось слишком мало невиданного. Но энтузиазм он сохранил, а энтузиазм, как известно, делает жизнь стоящей.

В соседнем купе ехала очень видная молодая особа. Он увидел её лишь на секунду, но эта секунда заставила его выпрямиться. «Почему некоторые девушки заставляют тебя стоять смирно с первого взгляда?» — подумал он. Гренфолл был влюблён слишком много раз, чтобы думать о женитьбе, но в этой девушке было что-то, что мешало ему навесить на неё привычный ярлык. Что именно — он не знал. Рядом с ней ему хотелось держаться подчёркнуто церемонно.

За ленчем он увидел её в вагоне-ресторане. Её спутниками были пожилые особы — вероятно, родители. Говорили они в основном по-французски, изредка вставляя немецкие слова. Пожилой джентльмен был важен и строг — с оттенком почтительности к молодой особе, которого Лорри не понимал. Седая дама держала голову высоко, с неоспоримым изяществом. Все трое были одеты в дорожные костюмы — модные, но далёкие от американского вкуса.

Лорри с интересом наблюдал за ними. Дважды молодая женщина взглянула на него — и оба раза с таким видом, будто не заметила. Когда они вышли из-за стола, он уставился на неё с вызовом. Но она улыбнулась, и на щеках её заиграли ямочки. Гренфоллу стало стыдно.

Вернувшись в купе, он позвал проводника.

— Не могли бы вы узнать, кто занимает соседнее купе?

— Я не знаю их имени, сэр. Они едут в Нью-Йорк. Я у них ничего не выспрашивал — есть в них что-то такое, что и смотреть-то на них неловко.

Проводник задумался.

— Не думаю, чтобы из этого вышло что-то путное, если вы попытаетесь подкатиться к этой барышне. Она не из таких.

— О чём вы? Мне просто любопытно, кто она.

— Простите, сэр. Дама эта — иностранка, живёт за океаном. Они торопятся домой. Не будут останавливаться до самого Нью-Йорка, разве что для пересадки.

— Где пересаживаются?

— В Сент-Луисе. Дальше через Цинциннати и Вашингтон.

Билет Лорри шёл через Чикаго. Он поймал себя на мысли: интересно, можно ли обменять билет в Сент-Луисе.

— Едут с отцом и матерью?

— Нет, сэр. Это её дядя и тётя — я слышал, она их так зовёт. Старый джентльмен — дядя Каспар. О чём они говорят, не знаю, всё больше не по-нашему. Молодая барышня со мной всегда по-американски, а старики не очень-то умеют. Были они во Фриско, а прислуга говорит — и в Мексике тоже. Американские доллары у барышни водятся исправно, где бы она там ни была. И всегда улыбается, когда о чём попросит, — да я бы и без чаевых не обиделся, лишь бы она так улыбалась.

— У вас остался хоть один из тех долларов, что она вам дала?

— Есть, сэр. Вот монета, не американская. Она сказала, что в наших деньгах это семьдесят центов. Велела хранить, пока я не приеду в её страну. Тогда, говорит, славно погуляю.

— Дайте взглянуть. — Лорри взял монету. — Никогда такой не видел. Она дала её вам?

— Вчера вечером.

— Я дам вам доллар.

Монета сменила хозяина. Лорри опустил её в карман с мыслью, что он последний дурак на свете.

В течение дня он несколько раз проходил мимо её купе, но не позволял себе заглянуть внутрь. Он гадал, замечает ли она его.

На одной маленькой станции толпа пассажиров высыпала посмотреть на индейских охотников с медведями. Лорри тоже вышел. Выходя из вагона, он столкнулся с дядей Каспаром. Несколько мгновений спустя девушка спустилась по ступенькам следом за ним. Она подошла почти вплотную к нему, желая лучше рассмотреть дичь. Лорри взглянул на неё. В её глазах был испуг, когда она разглядывала огромных медведей. Но она рассмеялась, когда дядя увлёк её прочь.

Лорри курил на платформе и позвякивал монетами в кармане, когда поезд тронулся. Он вскочил на ступеньки уже на ходу — и оказался у её ног. Она стояла наверху и смотрела на него. В её глазах была тревога, сменившаяся облегчением. Она видела, как он вскочил на движущиеся ступеньки, и боялась, что он упадёт под колёса. То, что она вообще его заметила, было приятно.

В Абилине он купил газеты. После завтрака устроился в салон-вагоне. Кто-то сел позади. Он не оглянулся, но уставился в зеркало на противоположной стене. Она сидела в пяти футах. Он украдкой изучал её отражение, пока она не взялась за книгу. До этого момента он считал, что зеркала в вагонах — глупость. Теперь он думал иначе.

Он читал газету. В какой-то момент она, напрягая глаза, попыталась прочитать статью через его плечо. Он заметил это в зеркале. Тогда он перевернул страницу, и она с разочарованием вернулась к книге.

Обычно он предложил бы газету, не задумываясь. Но с ней он чувствовал странную неловкость. Он встал, бросил газету на спинку стула и отошёл к окну, позвякивая моне-

тами. Потом вернулся и, проходя мимо, выронил монету у её ног. Начался смущённый поиск. Он знал, куда она закатилась, но нарочно искал в другом месте. Она помогала. Их головы несколько раз оказывались близко. Наконец она нашла монету.

— Я нашла её, — сказала она весело, с восхитительным акцентом.

— Благодарю вас…

Она взглянула на монету.

— О! — Это была монета из её далёкой родины. Мгновенно она взяла себя в руки и опустила монетку в его протянутую руку; гордый румянец залил её щёки, в глазах появилась холодная сдержанность.

— Простите, что побеспокоил.

Она снова села на своё место. Ему показалось, что между ними теперь тысяча миль. Он отошёл к двери. В зеркале он увидел, как она украдкой повернула голову и посмотрела ему вслед.

Гренфолл заводил случайные знакомства и раньше. Его редко отвергали. Но здесь всё было иначе. В ней было что-то, что запрещало и мысль о фамильярности.

Он снова достал монету. «В любом случае, — подумал он, — это будет хорошая карманная безделушка». Его собственные познания в географии были смутными. Монета могла быть из любого из сотни маленьких княжеств, разбросанных по Европе. Но то, что он не может сказать, из какого именно, почему-то не давало ему покоя.

Перед Сент-Луисом он решил пересесть и ехать с ней до Вашингтона. В тот же день он телеграфировал, чтобы забронировать места. Вечером купил новый билет. В восемь был на станции. Проходя мимо её купе, он увидел, как удивление промелькнуло на её лице.

В ту ночь он спал крепко и видел сон, будто плывёт с ней через океан.

За завтраком он увидел её снова. Однажды дядя Каспар посмотрел на него через монокль — и монокль выпал. Лорри понял, что это она обратила на него внимание дяди.

В Огайо их слуга хмуро покосился на Лорри: тот невольно загляделся на его госпожу, когда она прогуливалась по платформе. Там же они встретились в тамбуре. Она даже не взглянула на него.

Лорри понимал, что время уходит, а к знакомству он не стал ближе ни на шаг. «Если бы случилось крушение, — подумал он, — вот тогда мне и представился бы случай».

Ближе к вечеру поезд начал виться по предгорьям Аллегейни. Выезжая из маленького шахтёрского городка, он внезапно остановился. Что-то сломалось в паровозе.

Лорри вышел к толпе пассажиров, наблюдавших за ремонтом. Чистый голос почти у его уха заставил его вздрогнуть. Она обратилась к кондуктору, который стоял прямо за ним.

— На сколько мы задерживаемся?

— Не меньше чем на тридцать минут, мисс.

Она отошла, поблагодарив его.

От главной улицы отходили переулки к шахтам. Молодая леди пошла вниз по одному из них, с любопытством оглядываясь. Лорри последовал за ней. У него было смутное чувство, что ей не следует быть одной среди рабочих. Она уже начала возвращаться, когда он услышал свисток. Поезд трогался.

Лорри бросился к путям и ухватился за поручень последнего вагона. Но тут он разжал руку. Вагоны скользили мимо, оставляя его позади. Он вспомнил, что он не единственный, кого оставили. Он улыбнулся.

Через несколько мгновений она появилась. Взглянула на уходящий поезд — и её лицо стало картиной отчаяния.

Затем она увидела его, идущего к ней большими шагами.

— Где поезд? — выдохнула она.

— Он ушёл.

— Ушёл? И мы… мы остались?

Он кивнул, восхищённый этим «мы».

— Кондуктор сказал — тридцать минут, а прошло всего двадцать! — воскликнула она. — О, что же мне делать?

— Можно ли догнать поезд? — Она вдруг повернулась к нему. — Мы должны! Я заплачу тысячу долларов. Я должна его догнать! — Она оперлась рукой в перчатке о телеграфный столб, чтобы унять дрожь, но лицо её было решительным и властным. Она приказывала ему, как приказала бы рабу: в голосе её была власть, в глазах — страх. Голос она могла держать в узде, глаза — нет.

— Экспресс нам не догнать. Я хочу догнать его не меньше вас. — Он выпрямился. — Я добавлю тысячу к вашей тысяче. — Он помолчал. — Есть только один способ. Времени терять нельзя.

Он повернулся и побежал к станции.

ГЛАВА II

О пользе тряской езды для сближения незнакомцев

Лорри не терял времени. Он ворвался в вокзал и подлетел к окошку телеграфиста.

— Как называется ближайшая станция к востоку?

— П — —, — неторопливо ответил служащий, немало удивлённый такой стремительностью.

— Сколько до неё?

— Четыре мили.

— Телеграфируйте, чтобы задержали поезд.

— Там этот поезд не останавливается.

— А теперь остановится. Кондуктор уехал и оставил двоих пассажиров. Если вы не пошлёте приказ, я напишу жалобу и на вас, и на него.

Служащий посмотрел на него, затем повернулся к аппарату. Сообщение ушло. Лорри выбежал наружу.

На платформе он едва не сбил с ног фигуру в коричневом пальто.

— Простите. Через минуту объясню, — бросил он и побежал дальше.

В конце платформы стоял горный дилижанс. Возчик взбирался на место.

— Хотите заработать десять долларов? — крикнул Гренфолл.

— Чего? — Возчик чуть не свалился.

— Доставьте меня в П — — за двадцать минут.

— Четыре мили, приятель, и дорога не сказать чтобы хорошая. Залезайте. Поезд упустили?

— Готовьтесь к гонке. Я сейчас вернусь.

Он бросился обратно. Она стояла у двери, глядя на пустынные пути с такой тоской, что у него кольнуло сердце. Уже смеркалось. В горах зажигались первые огни.

— Идёмте. Там повозка.

Она не успела опомниться, как он подхватил её и втолкнул в экипаж. В одно мгновение он оказался рядом.

— Гони как чёрт! — крикнул он возчику.

Дверца захлопнулась, лошади рванули с места.

— Куда мы едем? — спросила она, выпрямившись.

— Догонять поезд. Расскажу, когда отдышусь.

Они тряслись по каменистой дороге с бешеной скоростью. Он объяснил, как возникла идея нанять дилижанс и почему сам остался, хотя мог успеть на поезд.

— Я добежал до путей, но вспомнил, что видел вас на той улице. Бросить вас здесь без защиты? Нет, это было бы свинством.

— Как я могу вас отблагодарить? — прошептала она. — А вы не думаете, что дядя хватится меня и велит вернуть поезд?

— Может, и нет. Решит, что вы в другом вагоне. Такое запросто могло случиться.

Дорога становилась всё ухабистее. Лорри посмотрел на чёрные горы, на плотную тьму, которая опускалась на них со всех сторон. Было уже совсем темно.

— Этот парень нас убьёт, — сказал он без особой тревоги. — Гонит как угорелый.

— Вы должны позволить мне заплатить половину, — твёрдо сказала она из своего угла.

Он не нашёлся, что ответить.

— Дорога становится хуже. Если позволите совет — держитесь за мою руку. Я буду держаться за ремень. Так вы убережётесь от синяков.

Не говоря ни слова, она пересела к нему и обвила своей маленькой рукой его большую.

— Я сама об этом подумала, — сказала она просто. — Спасибо.

Его сердце заколотилось как бешеное.

— А вам не приходило в голову, — спросила она после паузы, — что вы могли бы вскочить в поезд и велеть кондуктору остановиться ради меня?

— Я… я не подумал, — растерялся он.

— Не считайте меня неблагодарной. Вы поступили благородно. Сколько хлопот я вам доставила.

Она сказала это так мило, что он воспрял духом. Хотя прекрасно понимал: она сомневается в его сообразительности. И чем больше он думал, тем очевиднее становилась нелепость его поступка. Ну какой дурак не догадался бы просто вскочить в поезд и крикнуть кондуктору?

— Это не хлопоты, — сказал он. — Такое приключение стоит любых неудобств. Должно быть, я совсем потерял голову. От скольких тревог я мог бы вас избавить, будь у меня хоть капля мозгов!

— Тише. Вы хотите выставить меня неблагодарной. Ах, как он гонит! Вы не думаете, что опасно? — вскрикнула она, когда экипаж резко накренился, бросив его в угол, а её — чуть ли не на него.

— Ничуть, — выдохнул он, хотя сам перепугался. Снаружи и внутри было темно хоть глаз выколи. Где они — у края пропасти? Он понятия не имел. — Этот малый считается лучшим возчиком в горах, — соврал он.

И тут же вспомнил, что учуял от возчика запах спиртного, когда захлопывал дверцу.

— Вы его знаете? — спросила она, прижимаясь к нему.

— Прекрасно. Это Быстроногий Джерри, король ямщиков.

В темноте он злорадно улыбнулся своим мыслям. Она успокоилась, не зная, что Джерри существовал только в дешёвом романе, который он читал мальчишкой.

Грохот стоял такой, что разговаривать можно было только в ухо друг другу. В такие моменты Лорри чувствовал её дыхание на щеке. Её голос отзывался в нём каждой нотой.

Он отпустил ремень, за который так отчаянно держался, и осторожно накрыл своей рукой её пальцы, мёртвой хваткой вцепившиеся в его рукав. Было темно и очень, очень уединённо.

— О! — воскликнула она. — Вы должны держаться за ремень.

— Он оборвался, — с радостью солгал он. — Моя рука не дрожит, видите? Успокойтесь. Осталось недолго.

— А если кондуктор откажется остановиться? — спросила она, и в голосе её появилась странная уверенность.

— Ваш дядя позаботится об этом.

— Мой дядя убьёт его, если тот не остановится, — сказала она спокойно.

«Охотно верю, — подумал Лорри. — Вид у него как у заядлого дуэлянта. Кто они, чёрт возьми?»

Некоторое время они ехали молча. Снаружи трещал кнут, хрипел возчик, грохотали колёса — казалось, вокруг бушевала буря, а не мирная ночь.

— Где вы взяли монету, которую обронили вчера? — спросила она наконец, словно решившись задать вопрос, который давно её мучил.

— Ту, что вы так любезно нашли? — спросил он уклончиво.

— Да.

— Я получил её от проводника. Он сказал, что кто-то дал ему её и велел «славно погулять».

— Он, видно, не захотел гулять, — сказала она после паузы.

— Я купил у него это право.

— Вы коллекционируете монеты? — спросила она заметно холоднее.

— Нет. Но эта забавная монета будет моей карманной безделушкой. Почему она вас так заинтересовала?

— Потому что она из моей страны. Если бы вы были далеко от дома, разве вас не заинтересовало бы всё, что напоминает о нём?

— Особенно если давно не видели таких монет, — вкрадчиво заметил он.

— О, я видела их много. У меня в кошельке и сейчас лежит несколько.

— Не странно ли, что именно эта монета напомнила вам о доме?

— Вы не имеете права меня допрашивать, сэр, — холодно сказала она и отстранилась, но очередной толчок снова бросил её к нему, и она, сама того не желая, рассмеялась.

— Прошу прощения, — поддразнил он.

— Когда он вам её дал?

— Кто?

— Проводник, сэр.

— Вы не имеете права меня допрашивать, — сказал он.

— О! — выдохнула она. — Я не хотела быть любопытной.

— Я даю вам это право. Проводник дал её мне через два часа после того, как я сел в поезд.

— В Денвере? — подсказала она.

— Откуда вы знаете, что я сел в Денвере?

— Вы прошли мимо меня с багажом. Не помните?

Он помнил. Его сердце чуть не перевернулось от радости, и пальцы невольно сжали её руку в перчатке.

— Кажется, припоминаю, — сказал он сдавленным голосом. — Вы стояли у окна?

— Да. И я видела, как вы целовались на прощание с теми дамами. Одна из них была вашей женой?

— Кузины, — смутился он. — Глупая привычка.

— У меня нет взрослых кузин, — ответила она. — У вас, американцев, забавные обычаи. Там, где я живу, никто не стал бы сжимать руку даме до боли. Это обязательно?

В её голосе было спокойное достоинство, смешанное с презрением. Он покраснел, похолодел от унижения и поспешно убрал руку.

— Простите великодушно. Так трудно удерживать и себя, и вас при этой тряске, что я невольно сжал вашу руку сильнее, чем думал. Вы ведь не истолкуете превратно мои намерения? — взмолился он.

— Нельзя превратно истолковать то, чего нет, — просто и гордо сказала она.

«Боже, она несравненна», — подумал он.

— Вы читали через моё плечо в салон-вагоне, — сказал он вдруг.

— Нет! — возмутилась она. — Откуда вы знаете?

— Зеркало.

— Теперь я обижена.

— Простите. Какая депеша вас заинтересовала? — спросил он, и тут экипаж так тряхнуло, что его швырнуло в угол и он ударился головой обо что-то острое. Боль была почти невыносимой, но её смягчило то, что она невольно обхватила его за плечо. По шее потекло что-то тёплое.

— Та, из Константинополя. О займе в несколько миллионов. Это касается моей страны.

— Скажете, из какой вы страны?

— Я из Граустарка.

— Не помню, где это.

— Ваши школы не учат географии? В наших школах знают, где находятся Соединённые Штаты.

— Признаю своё невежество.

— Изучите карту. Граустарк мал, но я горжусь им. Я едва могу дождаться, когда снова увижу наши скалы и долины, наши реки и вечно синее небо.

— Давно не были дома?

— За эти шесть месяцев, с тех пор как мы уехали из Эдельвейса, мы повидали кое-что в Азии, Австралии, Мексике и Соединённых Штатах. Теперь едем домой. Домой!

Она произнесла это слово так любовно, так нежно, что он позавидовал этой родине.

— Должно быть, мы почти приехали, — простонала она, наконец поддавшись давно сдерживаемой тревоге. — У меня каждую косточку ломит. Что мы будем делать, если они не задержали поезд?

— Пошлём за гробовщиком, — мрачно пошутил он.

— Как я могу вас благодарить? — воскликнула она, снова вцепившись в его руку.

— Я хотел бы сделать для вас в тысячу раз больше, — сказал он, и его губы коснулись её растрёпанных волос — так близко он склонился к ней.

— Огни города! — крикнул он мгновением позже. — Смотрите!

Лошади сбавили скорость и остановились.

— Поезд! Поезд! — вскрикнула она. — Слава Богу!

Дверца распахнулась.

— Приехали! Я доставил! — заорал возчик.

— Вот ваши десять, — сказал Лорри, помогая ей выйти.

— Я тоже вам кое-что пришлю, — крикнула она. — Ваш адрес?

— Уильям Перкинс, Западная Вирджиния, мэм.

Он тащил её к вагонам. Она успела, задыхаясь на бегу, вымолвить:

— Он вовсе не был Быстроногим Джерри!

ГЛАВА III

О том, как фамилия может испортить аппетит, и не только

Он рассмеялся, глядя в её серьёзное, поднятое к нему лицо. Быстрая улыбка мелькнула на её губах, она вырвалась от него и бросилась в объятия высокого, взволнованного дяди Каспара.

Подошли кондуктор, несколько служащих, любопытные пассажиры. Кондуктор был ворчлив и раздражён.

— Ну, залезайте! Не можем же мы ждать всю ночь.

Молодая леди взглянула на него, и её лицо словно съёжилось от грубости. Лорри мгновенно очутился рядом с кондуктором и ткнул пальцем ему под нос.

— Довольно! Если я услышу ещё хоть слово, вы у меня кровью умоетесь. Поняли?

— А вы, собственно, кто такой? — спросил кондуктор воинственно.

— Скоро узнаете.

Кондуктор сдался.

— Простите, сэр. Я на этом рейсе с ума схожу. Этот старый джентльмен угрожал меня убить. Только что вынул часы и сказал, что если я тронусь, не дождавшись его племянницы, он вызовет меня и проткнёт насквозь.

— Ладно, поехали, — сказал Лорри, который отстал от своей спутницы и её дяди.

Он помог ей подняться по ступенькам.

— Спасибо, — улыбнулась она.

Наверху её встретила тётя. Лорри и дядя Каспар вошли следом.

— Ах, тётя Ивонн, это было так дико и так чудесно! — Глаза девушки сверкали. — Мы мчались как ветер. Я никогда этого не забуду.

— Но как ты могла там остаться, дитя? Мы были вне себя, — сказала тётя, наполовину по-английски, наполовину по-немецки.

— Не сейчас, милая тётя Ивонн. Посмотрите на мои волосы! Какое я, должно быть, пугало! — Она повернулась к Лорри: — Счастливец, ваши-то волосы не могут быть такими непослушными, как мои. Ох! — Она вдруг увидела кровь на его шее и лице. — Это кровь! Вы ранены! Дядя Каспар, Хедрик, скорее, помогите ему! Идёмте ко мне в купе, вам больно. Минна, найди бинты!

Она потащила его к двери своего купе, прежде чем он успел возразить.

— Это царапина. Ударился о стенку экипажа. Не волнуйтесь.

— Вы должны позволить Хедрику перевязать вас, — настояла она.

Хедрик промыл рану. Остальные с тревогой наблюдали.

— Довольно неприятная рана, — сказал дядя Каспар. — Вам больно, сэр?

— О, не очень, — ответил Лорри, с удовольствием закрывая глаза.

— Не нужно ли наложить швы, дядя?

— Думаю, нет.

Пока Хедрик возился с бинтами, Лорри самодовольно разглядывал себя в зеркале и твердил про себя: «Счастливчик! Чёрт возьми, она божественна!»

Он оделся к обеду. Хедрик помогал.

— Узнайте, ушли ли они в ресторан, Хедрик, — сказал он слуге, и тот удалился с церемонным поклоном.

«Не понимаю, почему он должен быть таким чёртовски вежливым, — подумал Лорри. — Я не король. Надо представиться. Она меня совсем не знает».

Хедрик вернулся и сказал, что они ждут его в ресторане.

Лорри поспешил туда. Дядя Каспар и его племянница сидели лицом к нему. Он с сожалением увидел, что ему предстоит сидеть рядом с тётей — правда, напротив девушки.

— Ваша голова? Я не вижу повязки, — с укоризной сказала она.

— Там маленький пластырь. Только герои могут иметь опасные раны, — пошутил он.

— В Америке героизм измеряется количеством швов или размером пластыря? — спросила она. — Садитесь, пожалуйста, мистер Лорри.

Он резко опустился на стул, услышав своё имя. Откуда она его узнала? Ни одна душа в поезде не знала, как его зовут.

— Я Каспар Гуггеншлоккер. Позвольте представить вам мою жену и мою племянницу, мисс Гуггеншлоккер, — сказал дядя.

Лорри остолбенел. Гуггеншлоккер! Мясник, пивовар, сапожник? Племянница колбасного фабриканта — мисс Гуггеншлоккер! Он попытался беззаботно взглянуть на неё, но глаза его беспомощно заметались. Ему почудилась насмешка в её глазах.

— Если бы вы были писателем, мистер Лорри, какую героиню вы бы выбрали? — спросила она с дразнящей улыбкой.

— Я не изучал героинь.

— Но идеал-то у вас был бы, — не отступала она.

— Я уверен, что я… я не… то есть она вовсе не обязательно была бы героиней. Разве что нужен героизм, чтобы служить идеалом такому прозаическому малому, как я.

— Для начала вы назвали бы её Кларабель Монтроуз. Имя героини должно быть благозвучным. — Она откровенно дразнила его.

— Я бы сначала дал моему герою выдающееся имя, — парировал он. — А её имя я мог бы сменить на его в последней главе.

Она покраснела. Дядя Каспар кашлянул. Тётя Ивонн изучала меню.

— Как розу ни назови, она всё равно сладко пахнет, — добавил он многозначительно.

Она добродушно рассмеялась. «Гуггеншлоккер — и роза? — подумал он. — Ну нет: роза — и только!»

— Вот и официант. Я голодна после моей приятной прогулки, — сказала она, и шутка об имени закончилась.

— Тётя Ивонн говорит, что не надеялась увидеть меня живой. Служащий сказал, что вчера с этой дороги свалилась повозка — погибли мужчина, две женщины и две лошади. Дорогая тётя, как вы, должно быть, волновались.

— Признаюсь, были моменты, когда мне казалось, что мы катимся с горы, — сказал Лорри.

— Иногда мне казалось, что мы парим в пространстве. Но мы всегда возвращались на землю.

— Ещё как! Земля и немного крови. — Он коснулся головы.

— Вам больно?

— Ничуть. Мистер Гуггеншлоккер, кондуктор возражал против задержки поезда?

— Сначала да, но я быстро убедил его, что поезд должен быть задержан.

— Мой муж говорил с бедным человеком очень сурово, — добавила тётя Ивонн. — Но, боюсь, он не понял ни слова.

— Если он не понял моего английского, то он очень хорошо угадывал, — сказал её муж мрачно.

— Он сказал мне, что вы угрожали вызвать его, — заметил Лорри.

— Вызвать? Железнодорожного кондуктора! — воскликнул дядя Каспар с презрением.

— Каспар, я слышала, как вы сказали, что вызовете его, — вмешалась жена.

— Ах, Боже! Я ошибся. Я хотел его «осадить». Надеюсь, он не подумал, что я бросил ему вызов.

— Думаю, он боялся, что вы это сделаете, — сказал Лорри.

— Ему нечего бояться. Я не могу драться с кондуктором. К тому же дуэли в вашей стране — это убийство.

— Обычно так и есть, сэр. У нас дуэль куда чаще кончается смертью, чем в Европе. У нас, если двое выхватят револьверы, кто-нибудь непременно погибнет, а то и оба. А в Европе, как я понимаю, царапина шпагой заканчивает поединок.

— Вас ввели в заблуждение, — сказал дядя Каспар.

— Да дядя Каспар дрался на дуэлях столько раз, что и сам не сосчитает, — с гордостью воскликнула девушка.

— И каждый раз убивал своего противника? — спросил Лорри.

Тётя Ивонн метнула укоризненный взгляд на девушку. Та побледнела и испуганно посмотрела на дядю.

«Он дрался и убивал, — подумал Лорри. — Он не мясник, не пивовар. Это точно».

— Расскажите нам, дядя, что вы сказали кондуктору, — нервно попросила девушка.

И дядя Каспар рассказал. О том, как они хватились племянницы, как поезд затормозил, как он спустился на платформу.

— Кондуктор сказал, что вы, мистер Лорри, настояли на задержке. И добавил, что у вас больше нахальства, чем у любого идиота, которого он видел. Тогда я сказал ему, что вы джентльмен и мой друг. Он спросил ваше имя, но я его не знал. Затем он велел мне «прикрыть варежку». Что это значит, мистер Лорри?

— На утончённом американском это означает «перестаньте говорить», — сказал Лорри, сдерживая смех.

— Ах, вот почему он удивился, когда я заговорил ещё громче. Он сказал, что не будет ждать, но тут пришла вторая телеграмма. Велели задержать поезд. Служащий сказал, что вы едете в экипаже по очень опасной дороге. И что вам придётся гнать как сам дьявол.

— Так мы и сделали, дядя, — наивно сказала девушка. — Наш возчик следовал инструкциям мистера Лорри.

Лорри покраснел.

— Когда мы с вашей тётей вернулись в поезд, кондуктор сказал: «Ровно через три минуты мы отправляемся». Я пошёл в своё купе и велел Хедрику достать пистолеты. Если бы поезд ушёл до вашего прибытия, он ушёл бы без кондуктора. Затем я вернулся к нему с пистолетами в кармане. И сказал: запускайте поезд, если посмеете. Прошли две минуты. Он объявил, что осталась одна минута. Я решил дать ему один из пистолетов, когда время истечёт, и сказать, чтобы защищался. Затем раздался стук колёс. И вы были с нами. Я так счастлив, что вы не опоздали.

В этом спокойном голосе было что-то такое, что Лорри захотелось разыскать кондуктора и поздравить его.

Обед подали. Девушка красочно описала поездку. Он удивился, обнаружив, что она не упустила ни одной детали. Уши у него горели. Но дядя с тётей, к его изумлению, не выказали ни тени неодобрения. Тогда он понял, насколько доверчивой она была — и насколько не сознавала его внезапного чувства.

— И, тётя Ивонн, удача, которая, как вы говорите, дана мне от рождения, не подвела и на этот раз. Я осталась невредимой, тогда как одному мистеру Лорри досталась вся боль и все неприятности.

— Мне не досталось ни того, ни другого, — возразил он. — Боль, о которой вы говорите, — это удовольствие.

— Боль, которую мужчина переносит ради женщины, всегда должна быть для него удовольствием, — сказал дядя Каспар.

— Если бы мне не пришлось так скоро расстаться с вами, я была бы вашим лекарем и, как все лекари, продлила бы вашу болезнь до бесконечности, — сказала она.

— К моему глубочайшему удовольствию, — сказал он. — Увы, мы едва встретились, как уже расстаёмся. Когда вы отплываете?

— В четверг, — ответил мистер Гуггеншлоккер.

— Мы задержимся на один день в Вашингтоне, — сказала тётя Ивонн.

Сердце Лорри подпрыгнуло.

— У моего дяди дела в вашем городе, мистер Лорри. Завтрашний день мы проведём там, а среду — в Нью-Йорке. Ах, как я жду четверга!

Его сердце упало. Четверг значил для неё больше, чем его существование.

— Вы всегда жили в Вашингтоне? — спросила миссис Гуггеншлоккер.

— Всю жизнь.

— Мистер Лорри оскорбил нас тем, что не знает, где находится Граустарк на карте, — сказала девушка.

— Но, моя дорогая, Граустарк находится в… — начал дядя, но она остановила его.

— Дядя, не говорите. Я посоветовала ему изучить географию.

— Мне изучать карту Европы, Азии или Африки? — спросил он, и они засмеялись.

— Изучайте карту мира.

— Эдельвейс — это ваша столица?

— Да, наш родной город — королева скал! — воскликнула она. — Вы должны увидеть Эдельвейс, мистер Лорри. В нём есть и гора, и равнина, и небо. Там есть дома в долине, дома на склоне горы и дома в облаках.

— А ваш? Судя по вашим словам, он должен быть выше облаков — на небесах.

— Мы живём в зелёной долине. У нас есть мягкая весна, славное лето, освежающая осень и холодная зима — как нам нравится.

— Идеально!

— Кстати, мистер Гуггеншлоккер, вы сказали, что кондуктор спросил у вас моё имя. Как вы узнали его позже?

— Я не знал вашего имени, пока моя племянница не сказала мне после вашего прибытия, — сказал дядя.

— Я не помню, чтобы называл его вам, мисс Гуггеншлоккер.

— Вы не были моим осведомителем, — скромно сказала она.

— Вы, конечно, не угадали.

— О, нет. Я не читаю мысли.

— Вы сказали, что получили монету от проводника? — спросила она.

— Да.

— Эта монета купила мне ваше имя. Мне захотелось узнать имя человека, который ближе всех подошёл к моему идеалу американца. Как только я увидела вас, я поняла: вы — тот американец, каким я узнала его из книг. Вот почему я купила ваше имя у проводника. Я всегда буду говорить, что знаю имя идеального американца — Гренфолл Лорри.

Он не нашёлся, что ответить.

— Я польщён, — наконец выговорил он. — Надеюсь, вам не придётся убедиться, что вы ошиблись.

— Я от своего суждения не откажусь, — сказала она милостиво.

— Есть много американцев лучше меня. Вы забываете нашего президента и наших государственных деятелей.

— Я думала, они всего лишь политики.

Гренфолл Лорри, возведённый в идеал, удалился в ту ночь в своё купе. Его последней мыслью было: «Гуггеншлоккер! Ангел с такой фамилией!»

ГЛАВА IV

В котором наш герой получает по заслугам и по приглашению

Их разбудили рано. Поезд вползал в Вашингтон с пятичасовым опозданием. Лорри, одеваясь, уже прикидывал, удастся ли ему вытянуть из судьбы хотя бы пару часов в её обществе.

Он мечтал о прогулке по проспектам, о поездке к монументу, об обеде в доме матери, о завтраке в «Эббитте» — в общем, обо всех мыслимых и немыслимых знаках внимания, которые можно оказать даме за один день. Но даже в мечтах он не верил, что это случится.

Когда поезд остановился, за стенкой купе зашелестела её одежда. Она выпорхнула в коридор, поздоровалась с дядей и тётей, отдала распоряжения горничной — и вышла из вагона, пока он ещё боролся с воротничком.

Ни один мужчина не одевался быстрее Лорри. Если бы она увидела его нахмуренное лицо в ту минуту, её представление об «идеальном американце» могло бы дать трещину.

— Она уедет, и на этом всё кончится, — проворчал он, хватая вещи и выскакивая на платформу через две минуты после неё.

Носильщик попытался перехватить его багаж, но Лорри отмахнулся и рванул к вокзалу. В залах ожидания её не было. Он бросился к выходу на улицу.

— Багаж перевезти?

— Экипаж, сэр?

— Идите вы… — Он осёкся. — Да! Возьмите эти чёртовы вещи и отправьте по адресу. — Он сунул носильщику квитанции так быстро, что у того глаза округлились.

Освободившись от багажа, Лорри вернулся в здание вокзала.

— Доброе утро, мистер Лорри. Вы так спешите повидать своих друзей?

Чистый, мелодичный голос остановил его как вкопанного. Тревожная складка на лбу разгладилась, уступив место радостной улыбке.

Она стояла у главного входа с тётей Ивонн.

— О, доброе утро! — воскликнул он, протягивая руку.

К его изумлению, она гордо выпрямилась и проигнорировала его жест. Лишь на одно мгновение. Потом яркая улыбка озарила её лицо, и её пальцы робко, даже неловко, нашли его руку.

Что-то подсказало ему: она не привыкла к рукопожатиям. То же самое «что-то» заставило его низко наклониться и коснуться губами её перчатки.

Он выпрямился с пылающим лицом, наполовину боясь, что позволил себе лишнее. Но она улыбнулась одобрительно. Ни тени смущения. Любая другая девушка в мире, подумал он, отдёрнула бы руку и нервно захихикала.

Тётя Ивонн слегка наклонила голову, но руку не протянула. Он благоразумно не стал навязываться.

— Я думал, вы уже ушли, — сказал он.

— Ждём дядю Каспара. Он даёт указания Хедрику. Хедрик отправится в Нью-Йорк с нашими сундуками. Мы уезжаем из Вашингтона сегодня вечером.

— Я надеялся, вы задержитесь подольше.

— Неотложные дела, мистер Лорри. Из всех городов мира я больше всего хотела увидеть вашу столицу. Возможно, я когда-нибудь вернусь. — Она помолчала. — Но не будем вас задерживать, если вы торопитесь.

Он вздрогнул, виновато посмотрел на часы, пробормотал что-то о багаже и бесцельно побежал прочь.

«Я круглый дурак», — сказал он себе, обежал багажную комнату и вернулся туда, где оставил дам.

К ним уже присоединился мистер Гуггеншлоккер. На лице мисс Гуггеншлоккер читалось удовольствие.

— Мы думали, вы никогда не вернётесь, — весело сказала она.

Его не было всего две минуты.

Старый джентльмен тепло поприветствовал его. Лорри спросил, в какой гостинице они остановились, и, узнав, что в «Эббитте», вызвался их сопровождать — он и сам собирался там позавтракать.

Между всеми тремя промелькнул быстрый взгляд — непостижимый, но недостаточно быстрый, чтобы ускользнуть от его внимания. Что означал этот взгляд? Досаду? Тревогу? Уныние?

Прежде чем он успел возмутиться, она сказала:

— Как это мило с вашей стороны! Мы будем так рады, если вы позавтракаете с нами, мистер Лорри. Вы расскажете нам о вашем чудесном городе.

Он галантно согласился и поспешил заказать экипаж.

В восемь часов он уже завтракал с ними, и его увлечение росло с каждой минутой, проведённой под чарами этих глаз, этого лица, этой странной, царственной повадки, которая была частью её — естественной и непринуждённой.

Когда они выходили из столовой, он спросил, не хочет ли она прокатиться.

Его пылкая галантность встретила неожиданный отпор.

До этого момента разговор был живым и весёлым. У него были все основания считать, что его предложение примут с радостью. Поэтому он опешил, увидев, как дружеская улыбка исчезает из её глаз, а на смену приходит насмешливый блеск.

— Я буду занята весь день, мистер Лорри, — сказала она медленно, глядя ему прямо в глаза холодно и непреклонно.

Его глаза расширились. На щеках выступили красные пятна и тут же исчезли, оставив лицо бледным. Сердце болезненно сжалось от стыда и гнева.

— У меня есть основания радоваться, что вы заняты, — сказал он наконец спокойно. — К моему величайшему сожалению, я, кажется, обидел вас, хотя хотел порадовать. Простите мою дерзость.

В его голосе была обида. Она это почувствовала.

Её маленькая рука порывисто легла на его руку, в глазах снова появился мягкий свет, а на губах — самая жалобная, умоляющая улыбка.

— Простите меня, — воскликнула она. — Я была так невежлива! Я не могу объяснить, почему я так сказала, но… я вполне заслужила упрёк. Умоляю, простите меня и забудьте. Не просите объяснений. Пожалуйста, мистер Лорри, я умоляю вас — в первый раз в жизни. Вы были так добры ко мне; будьте добры и сейчас.

Его гнев растаял. Как можно устоять перед такой мольбой? «В первый раз в жизни» — вертелось у него в голове.

— Я прощаю кающуюся грешницу, — сказал он серьёзно.

— Благодарю вас. Вы всё ещё мой идеальный американец — учтивый, смелый и нежный. — Она помолчала. — А теперь позвольте мне взять назад мой отказ. Если вы возьмёте меня на прогулку, я буду в восторге.

— Вы снова делаете меня счастливым, — сказал он тихо. — Я приглашу и ваших дядю с тётей.

Они подошли к старшим Гуггеншлоккерам.

— Дядя Каспар будет занят весь день, но тётя Ивонн, я уверена, будет рада, — сказала девушка. — Тётя, мистер Лорри пригласил нас прокатиться, и я согласилась за вас. Когда отправляемся, мистер Лорри?

Мистер и миссис Гуггеншлоккер уставились на племянницу. Затем тётя Ивонн перевела вопросительный взгляд на мужа. Он немедленно поклонился американцу:

— Мы никогда не забудем вашей любезности, сэр. Когда дамы будут готовы?

Лорри прикинул, не пригласить ли их пообедать с его матерью. Но сразу возникли два возражения. Во-первых, он побаивался этой своенравной девицы. Во-вторых, он ещё не видел мать и не знал, в городе ли она вообще.

— В два часа, — сказал он. — Это даст нам вторую половину дня. Вы уезжаете в девять вечера, верно?

— Да. — Она вдруг добавила: — А вы пообедаете с нами сегодня вечером?

Он посмотрел на неё искоса — после всего, что произошло, это было неожиданно.

— Вы не должны относиться к моему приглашению так, как я отнеслась к вашему! — весело воскликнула она. — Вы должны извлечь пользу из того урока, который я получила. — Она внезапно обняла тётю. — Итак, в два часа, а затем за обедом. Желаю вам доброго утра, мистер Лорри.

Он низко поклонился, подождал, пока странное трио войдёт в лифт, и направился вниз, засунув руки в карманы. Сердце было лёгким как пух. Он бессознательно позвякивал монетами.

Вытащив одну, он повертел её между пальцами.

— Так это тобой она заплатила за моё имя? Что ж, ты мал, но купил то, что выглядит куда лучше, чем «Гуггеншлоккер» в гостиничной книге. Твоя хозяйка — странное создание. Сначала «нет», потом «да». Тебе повезло попасть в руки того, кто не отдаст тебя на милость незнакомцев ради прихоти. Теперь ты на пенсии, заслуженной после доблестной службы.

Через час он был дома и рассказывал матери историю своих странствий, умалчивая, по причинам, известным только ему самому, о событиях после Денвера. Об «иностранцах» он упомянул лишь вскользь.

В час дня, безупречно одетый, он сел в экипаж и поехал в центр. По пути он вспомнил, что вообще-то служит — в адвокатской конторе своего дяди — и что неплохо бы зайти туда и сообщить о своём возвращении. Но, подумав, решил, что уже слишком поздно для дел. В конторе узнали о его возвращении только на следующий день, и то не особенно.

Несколько часов он наслаждался её обществом. Сидя рядом с ней в просторном экипаже, напротив тёти Ивонн, он объяснял достопримечательности. Они вошли в Капитолий, увидели Белый дом и на обратном пути проехали мимо президента Соединённых Штатов.

Мисс Гуггеншлоккер, которая всю дорогу держалась с величавой сдержанностью, при этом известии оживилась. Её глаза впились в президентский экипаж. Лорри с интересом наблюдал за переменами на её лице. Вместо благоговения, которого он ожидал, он увидел лёгкую гримасу отвращения в уголках рта и явное разочарование в глазах.

— Вам не нравится наш правитель? — спросил он, когда экипаж проехал мимо.

— Не могу сказать. Я его не знаю, — ответила она с лёгким сарказмом. — У вас, американцев, есть одно утешение: когда вы устаёте от правителя, вы можете поставить на его место другого. Не правда ли, мудро поступать так довольно часто?

— Не «мудро», скорее «целесообразно». Вы, кажется, не одобряете политику?

— Один дом правит нашей землёй веками. С тех пор как я приехала в вашу страну, я ни разу не видела, чтобы мужчина безумно махал шляпой и от всего сердца кричал: «Да здравствует президент!» Веками в моей стране каждый ребёнок рождается со словами «Да здравствует князь!» в сердце. «Да здравствует княгиня!» — это дань любви и чести, а не политическая агитация.

— Ваши правители слышат жестяные рожки, духовые оркестры, предвыборные крики, петарды и речи с трибуны каждые четыре года? — Он был слегка раздражён. — Знают ли

они, что значит быть добровольным выбором целой нации? Знают ли они, что значит править, потому что заслужили право, а не потому, что родились для этого? В нашей стране все люди равны изначально. Человек, которого семьдесят миллионов граждан удостаивают высшей чести, — это человек, у которого были мозги, а не титул, доставшийся по праву рождения.

— Вот! Я снова вас расстроила. — Она не выглядела расстроенной. — Вы должны простить мои устаревшие идеи. Мы, верные подданные доброго монарха, не можем забыть, что наши правители рождаются, а не становятся. Возможно, временами нам и достаются безмозглые монархи. Вы великодушны в выборе своих правителей, будьте же великодушны и со мной — невежественной роялисткой, которая просит снисхождения у того, кто, быть может, когда-нибудь станет президентом Соединённых Штатов.

— Будь по-вашему. Как возможный, хотя и маловероятный, президент Соединённых Штатов, я великодушен к несчастной, которая никогда не может надеяться стать княгиней, как бы хорошо она ни смотрелась на позолоченном троне.

Она встретила эту реплику такой упоительной улыбкой, что он почувствовал себя самым облагодетельствованным из смертных. Он видел эту улыбку в своём воображении ещё много месяцев спустя — сводящую с ума искру радости, которая вспыхнула из её глаз на самое дно его сердца.

Их обед был продолжением очаровательного сна. Не раз он боялся, что вот-вот проснётся.

К концу обеда на него нахлынуло чувство подавленности. Час — всё, что он мог провести с ней. Девять часов приближались со своими сожалениями, тоской, пустотой.

Он решил наслаждаться настоящим, пока среди звона колоколов и грохота колёс не начнётся унылое будущее.

— Вы позволите мне проводить вас на вокзал? — спросил он, когда они выходили из-за стола. Слова срывались с губ поспешно и сбивчиво.

Она слегка приподняла брови, поблагодарила и сказала, что сочтёт это за честь. Но ему показалось, что в её глазах блеснул огонёк, говоривший: «Мне жаль вас, бедный малый».

Он поехал с ними на вокзал. У спального вагона они остановились у ступенек, обмениваясь прощаниями и искренними надеждами снова встретиться.

Затем началась суета: засвистели поездные служащие, заспешили опаздывающие пассажиры. Он посмотрел на часы.

— Девять часов. Вам пора садиться.

Он помог тёте Ивонн подняться. Она мягко пожала его руку:

— Прощайте, добрый друг. Вы сделали наше пребывание таким приятным.

Старый джентльмен ждал, чтобы помочь племяннице.

— Идите первым, дядя Каспар, — сказала девушка. — Я легко могу подняться без помощи.

— Или я могу помочь, — поспешно добавил Лорри.

Дядя тепло пожал ему руку и поднялся. Девушка собралась следовать за ним, когда Лорри воскликнул:

— Вы позволите?

Она со смехом повернулась к нему и протянула руку.

— А теперь прощайте навсегда. Мне так жаль, что мы так мало виделись.

Он взял её руку и крепко сжал.

— Я никогда не забуду последние несколько дней, — сказал он с дрожью в голосе. — Вы вложили в мою жизнь что-то, чего никто никогда не сможет отнять. Вы забудете меня, не успев выехать из Вашингтона, но я… я всегда буду видеть вас такой, какая вы сейчас.

Она мягко отняла руку, но не отвела глаз.

— Вы ошибаетесь. С какой стати мне вас забывать? Разве вы не тот идеальный американец, чьё имя я купила? Я всегда буду помнить вас таким, каким увидела — в Денвере.

— Не таким, каким я был потом? — воскликнул он.

— Изменились ли вы с тех пор, как я впервые вас увидела? — спросила она загадочно.

— Да. Потому что вы увидели меня до того, как я увидел вас. Я рад, что в ваших глазах я не изменился к худшему.

— Раз уж я впервые узнала вас глазами, скажу, что им можно доверять, — сказала она дразняще.

— Я не имею в виду внешность.

— В любом другом случае мои глаза не помогли бы, — воскликнула она с притворным разочарованием. — Тем не менее, — она сделала широкий жест, — вы мой идеальный американец. Прощайте!

Проводник уже крикнул: «По вагонам!»

— Прощайте! — воскликнул он и вскочил на узкую ступеньку рядом с ней.

Она в изумлении отпрянула.

— Вы уезжаете из моей страны, но не из моих мыслей. Если хотите увидеть, что во мне переменилось, взгляните в зеркало на собственные глаза. Перемена — в них: это они меня изменили. Прощайте. Я надеюсь, мы ещё увидимся.

Она колебалась мгновение. Поезд уже медленно двигался.

— Я молюсь, чтобы мы встретились, — сказала она наконец тихо — так тихо, что он едва расслышал.

Если бы она не издала ни звука, он всё равно был бы уверен в её ответе — он прочитал его в её глазах.

— Вы поранитесь, если будете ждать, пока поезд наберёт скорость, — воскликнула она. — Разве вы не видите, как быстро мы движемся? Пожалуйста, идите!

В её глазах был страх, и это доставило ему удовольствие.

— Тогда прощайте, — крикнул он.

— Прощайте, мой американец, — быстро ответила она.

Когда он уже прыгал, она вдруг сказала, и глаза её сверкали чем-то похожим на вызов:

— Вы должны приехать в Эдельвейс, чтобы повидать меня. Я буду ждать вас!

— Я приеду, — воскликнул он. — Ей-богу, приеду!

Испуганное выражение промелькнуло на её лице. Губы приоткрылись, словно для протеста.

Белая рука мелькнула перед его глазами — и она исчезла.

Он стоял, шляпа в руке, глядя на два красных огня в конце поезда, пока они не исчезли в ночи.

ГЛАВА V

Где воздушные поцелуи пересекают океан быстрее почты

Если Лорри и спал в ту ночь, он этого не помнил.

На следующее утро, позавтракав с матерью, он тщетно пытался вспомнить хоть минуту между полуночью и восемью часами, когда бы он не думал о молодой женщине, унёсшей с собой его покой.

Он насчитал десять тысяч чёрных овец, перепрыгивающих через изгородь. Когда овцы разбежались, он был так же далёк от сна, как и прежде. Её лицо было повсюду. Её голос наполнял уши неумолкающей музыкой, но это не была колыбельная. Часы отбивали час за часом, от одного до восьми, — и в восемь он встал, совершенно недовольный собой.

Всё казалось горьким или унылым.

Завтрак стал испытанием для его природной вежливости. Он обожал мать, но несколько раз ему пришлось прикусить язык, чтобы не ответить резко на её ласковые материнские расспросы. Дважды она повторяла свои вопросы — его мысли были так далеко, что он слышал только слова, которые другая женщина произнесла каких-нибудь сутки назад.

Глаза покраснели, веки налились тяжестью. Голос звучал странно безжизненно, лицо было бледным и усталым.

— Ты нездоров, Гренфолл, — сказала мать, тревожно вглядываясь в него. — Поездка тебя измотала. Тебе нужно отдохнуть.

Он мрачно усмехнулся.

— Человек никогда так не нуждается в отдыхе, как в конце отпуска, правда? Работа будет отдыхом. Я пойду в контору и до вечера переделаю работу за три дня.

Он притворился, что читает газету. Ничего интересного — но вдруг его осенило. Десять минут он нервно просматривал колонки. Затем бросил газету со вздохом облегчения.

Никаких сообщений о крушении поезда. Она благополучно добралась до Нью-Йорка.

Он посмотрел на часы. Вероятно, она сейчас завтракает. Может быть, думает о нём. А может, и нет. Воспоминание о последнем нежном рукопожатии и мягком сиянии в её глазах стояло стеной между страхом, что она забыла, и уверенностью, что помнит.

Не это ли воспоминание не давало ему уснуть?

И ещё тот загадочный взгляд в последнюю минуту. Тысячу раз он размышлял над ним. Страх? Смятение? Отречение? Что бы это ни было, оно тревожило его и отчасти разрушало очарование предыдущего мгновения.

Верный своему намерению, он рано отправился в контору. Дядя тепло приветствовал его, и началось долгое деловое совещание.

К досаде и смущению Лорри, он то и дело отвлекался. На рассмотрении было несколько важных дел. Через день или два им предстояло выступить в суде по иску о возмещении ущерба. Старший Лорри не скрывал удовлетворения — возвращение умного, деятельного племянника пришлось как нельзя кстати. Сам дядя чувствовал, что в одиночку с этим делом не справится.

Днём они вместе перекусили. Дядя был оживлён и откровенен. Племянник — почтителен и рассеян.

Днём Лорри просмотрел дело, порылся в справочниках, полный решимости не отвлекаться. Поздно вечером он раздражённо отшвырнул книги, коротко сообщил изумлённому дяде, что плохо себя чувствует, и ушёл.

До обеда он отвратительно играл в бильярд в клубе. За обедом мать резко отчитала его за вопиющую невнимательность. После обеда он курил и уныло размышлял.

Завтра она отплывает.

Если бы только он мог увидеть её ещё раз.

В половине восьмого мать нашла его в библиотеке. Он прилежно рылся в томе энциклопедии на букву «Г».

— Что ты ищешь?

Он идиотски рассмеялся и, смутившись, сообщил, что пытается найти, как называется главный город Индианы.

Она просматривала книги в шкафу, когда вздрогнула от его внезапного возгласа.

— Половина восьмого! Я успею!

— В чём дело, Грен?

— О! — Он спохватился. — Я забыл… да, мама, я как раз успею на поезд. Будь добра, вели Мэри убрать этот беспорядок. Я уезжаю в Нью-Йорк — только на день. Завтра вернусь! Важное дело — только что вспомнил. До свидания!

Он поцеловал её и уже был в прихожей, прежде чем она поняла, что происходит. Она выбежала в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выходит на улицу — шляпа набекрень, пальто развевается, пока он просовывает руки в рукава.

Дверь захлопнулась.

Он уехал в Нью-Йорк.

Поезд уже готов был отправиться, когда он прибыл на станцию. Только благодаря отчаянному бегу он успел вскочить на площадку последнего вагона — запыхавшийся, но счастливый.

Ровно двадцать четыре часа назад она уехала из Вашингтона. Именно здесь она улыбнулась и сказала, что будет ждать его в Эдельвейсе.

Места в спальном вагоне у него не было, но, к счастью, он получил его уже в поезде. Гренфолл заснул, чувствуя себя и разочарованным, и раздражённым. Разочарованным — потому что поддался чувствам. Раздражённым — из-за соседа по купе, который храпел так, что хоть святых выноси. У влюблённого, полного сомнений, нет терпения к таким прозаическим злодеям.

После поспешного завтрака в Нью-Йорке он позвонил на пристань и спросил время отплытия «Кайзера Вильгельма». Ему ответили, что корабль отчаливает в обычный час. Он немедленно вызвал экипаж и покатил к причалам.

Внезапно он выпрямился, оцепенев от осознания собственной глупости.

Он совершает чистейшую мальчишескую выходку — мчится на пристань в надежде бросить последний, да и то мимолётный взгляд на женщину, которая его пленила. Мальчишку можно простить. Но мужчину — светского человека?

Никогда.

— Примчаться на пристань, чтобы увидеть эту девушку, — да этого достаточно, чтобы стыдиться себя всю жизнь, Гренфолл Лорри, — сказал он себе. — Такого не вытворял ни один влюблённый дурак. Я краснею. Идиотизм! А если она увидит, как я пялюсь на неё? Что она подумает?

Он дёрнул дверцу, собираясь приказать кучеру разворачиваться. Но тут хитрый искуситель шепнул ему на ухо:

«Почему бы не просмотреть список пассажиров? Просто убедиться, что ей досталась каюта. Это разумно. И приятно знать, что она отплывает. Ничего глупого в этом нет. Тем более что я уже по пути… И раз уж заехал так далеко… Не возвращаться же ни с чем. Я узнаю за минуту и поеду домой. Ничего дурного. И, возможно, мельком увижу её до отплытия. Она не должна меня видеть. Ни в коем случае. Будет смеяться. Как бы я ненавидел её смех!»

Он откинулся на сиденье с улыбкой человека, который нашёл себе оправдание.

— Мы не повернём назад. Мы поедем прямо. Мы побудем немножко дураками, но не такими, чтобы попасться ей на глаза.

Они прибыли на пристань. Он поспешил в контору.

Клерк позволил ему просмотреть список. Сначала первый класс — фамилии Гуггеншлоккер не было. Затем второй — снова пусто.

— Мистер Гуггеншлоккер не взял билет? — спросил Лорри, не веря своим глазам.

— Не на «Кайзер Вильгельм», сэр.

— Тогда, ей-богу, они опоздают на пароход! — воскликнул Лорри. — Может, они будут здесь с минуты на минуту.

— Им останется только третий класс. Всё остальное занято.

— Вы уверены, что они не взяли билет?

— Можете убедиться сами, — коротко ответил клерк.

Лорри снова бросило в пот — на этот раз от смутного, растущего подозрения.

Она обманула его. Солгала. Она вовсе не собиралась плыть на «Вильгельме».

Теперь ему всё стало ясно: странность в манерах, эти загадочные улыбки. Кто она? Авантюристка? Кокетка? Лгунья?

Он похолодел.

И она была не одна. Её дядя и тётя — такие же обманщики. Может, они бегут от правосудия? Нет. Не то. Но почему их нет в списке?

Внезапно он вздрогнул.

А вдруг случилось несчастье? Болезнь? Смерть?

Звон колоколов ударил в уши. Огромный корабль готовился к отплытию. Механически, безутешно, Лорри вышел на пристань. Всё было в движении: крики, приветствия, пыхтенье буксиров, бурление воды. «Кайзер Вильгельм» отчаливал.

Подавленный, несчастный, он нашёл место у перил. На глазах выступили слёзы — гнева, стыда, унижения.

Она играла с ним.

Угрюмо он смотрел на толпу пассажиров на борту. Слабая ироническая улыбка появилась на его губах. Корабль отплывал, но не вёз того груза, который он со всей искренностью отправил в Граустарк. Его сердца, конечно, на борту «Кайзера Вильгельма» не было.

Его разочарованный взгляд скользнул вдоль перил. Дважды взгляд скользнул мимо одного места на передней палубе, ничего не заметив. В третий раз Лорри позволил ему задержаться на группе фигур — и изумлённо уставился.

Неужели?

Это была она. У перил, между двумя молодыми женщинами, которые бешено махали платками.

Сердце заколотилось. Вот синее пальто, но не синяя шапочка. Кокетливая матросская шляпа сидела там, где прежде была незабываемая шапочка. Изменение незначительное, но достаточное, чтобы повергнуть его в лихорадочную неуверенность.

Корабль медленно отходил от пристани. Ещё несколько мгновений — и узнать её будет невозможно.

Когда он уже терял надежду, лицо под матросской шляпой повернулось прямо к нему.

Мысли застыли.

Это была мисс Гуггеншлоккер.

Почему её имени не было в списке? Этот вопрос промелькнул и исчез. Потому что — к его изумлению, восторгу и смущению — она пристально вглядывалась в него. На секунду она навела на него бинокль и опустила его. Улыбка. Белый батист в её руке.

Она увидела его. Поймала на глупой слабости.

И всё же его глаза плясали, рот был открыт от радости, щёки раскраснелись. Он замахал шляпой, потом платком. Она отвечала, энергично и самозабвенно размахивая платком и перегнувшись через перила.

Убедившись, что дядя и тётя не видят, он поднёс пальцы к губам и послал воздушный поцелуй через воду.

— Теперь она меня уничтожит, — прошептал он, сожалея о своей опрометчивости.

Её платок замер. Сердце упало — она заметила.

Мгновение нерешительности. А затем она поднесла к губам кончики пальцев обеих рук — и его поцелуй вернулся к нему.

Люди рядом удивлённо оглянулись, услышав его дикий крик и увидев, как он безумно машет шляпой. Если бы она выстрелила в него из револьвера, он не был бы более изумлён. Но чтобы ответить тем же — встретить его опрометчивость в том же духе!

Слишком хорошо, чтобы поверить.

Но посреди ликования пришло напоминание: она не ожидает увидеть его снова. Для неё это весёлая шутка, а не сердечная боль.

Он всё ещё махал платком, когда синяя фигура поблекла, слилась с общим тоном и исчезла. Она ушла. Но она бросила ему поцелуй с губ, которые он никогда не забудет.

Отвернувшись от воды, он поймал себя на мысли: были ли слёзы в её глазах? Вероятность была так мала, что он глупо и громко рассмеялся. Две девушки понимающе хихикнули. Он нахмурился и исчез в толпе.

Главный вопрос оставался: почему её нет в списке?

Он снова разыскал клерка и тщательно проверил список. Гуггеншлоккера не было среди имён.

— Они могли плыть под вымышленным именем?

— Не могу сказать. Куда они направляются?

— В Граустарк.

Клерк медленно покачал головой. Лорри машинально тоже покачал головой.

— Вы уверены, что видели молодую леди на борту?

— Ну ещё бы!

— На корабле много итальянских и немецких певцов. Вы могли ошибиться. Но раз вы так уверены… очень странно.

Лорри ушёл обескураженный, со смутным страхом: а вдруг она примадонна, а Гуггеншлоккер — только сценическое имя? Он немедленно отогнал эту мысль. Невозможно.

Он вернулся в гостиницу и мельком заглянул в книгу постояльцев. И наткнулся на имя, которое преследовало его.

Гуггеншлоккер.

Вот они: «Каспар Гуггеншлоккер и четверо, Граустарк».

— Они отплыли на «Кайзере Вильгельме» сегодня, — сказал клерк. — Приехали вчера, уехали сегодня.

Мистер Гренфолл Лорри вернулся в Вашингтон как во сне. Атмосфера тайны стала непроницаемой стеной. Даже его воображение не помогало.

В одном он был уверен: он влюблён.

Несколько недель спустя он отправился в Нью-Йорк расспросить капитана «Вильгельма». К его изумлению, капитан сказал, что никаких Гуггеншлоккеров на борту не было.

В течение долгого жаркого лета он работал, тревожился и размышлял. Работа шла плохо. Тревожился он так много, что врач посоветовал отдохнуть. А размышлениям предавался так усердно, что это стало невыносимо.

Он должен узнать о ней всё. Но как?

Конец лета застал его бледным, усталым, безразличным к работе и развлечениям. Женщины надоели. Мужчины раздражали. Театр душил. Клуб портил характер. Всё шло не так.

Врач сказал — нервное истощение. Мать смотрела встревоженными глазами.

Оставался только один путь.

Он предложил его врачу, матери и дяде. Они согласились.

Речь шла о Европе.

Когда он окончательно решил снова пересечь океан, его дух оживился. Он стал жизнерадостнее, заинтересовался происходящим. Ко времени отплытия «Кайзера Вильгельма» в сентябре он так и пышал здоровьем и жизнью.

Он отправлялся в Эдельвейс — к странной мисс Гуггеншлоккер, которая бросила ему поцелуй с палубы в день отплытия.

ГЛАВА VI

В котором двое взрослых мужчин ищут на карте то, чего нельзя потрогать

Две недели спустя Гренфолл Лорри сошёл на берег и с наслаждением вдохнул воздух Парижа.

На второй день он встретил на улице своего однокашника по Гарварду. Гарри Энгвиш уже два года был художником — в кавычках или без, сказать трудно, но он сам себя называл именно так. В колледже он был славным малым, заводилой в спорте и в проделках, на которые начальство смотрит косо. Они с Лорри были хорошими друзьями, хотя по темпераменту совершенно не походили друг на друга. Их недостатки и достоинства были настолько разного свойства, что они прекрасно уравновешивали друг друга.

Встреча в Париже обрадовала обоих. Следующую неделю они были неразлучны. Вместе потягивали абсент в кафе, бродили по театрам, опере, танцевальным залам и домам друзей Энгвиша — французов и американцев.

Лорри не говорил другу о Граустарке почти две недели. Он боялся насмешек — со всей трусостью человека, который знает, что насмешка в значительной степени оправдана. Но чем дальше, тем нетерпеливее он становился. Наконец его вынудили обстоятельства.

Он начал издалека: сообщил, что намерен прокатиться в сторону Вены, Будапешта и некоторых восточных городов, рассчитывая пробыть в отъезде пару месяцев.

К его удивлению и смятению, Энгвиш с энтузиазмом вызвался сопровождать его — он и сам вынашивал тот же план почти год.

Лорри пришлось выложить всё начистоту. Он рассказывал застенчиво, ожидая смеха и насмешек.

Но Энгвиш, обладавший живой и романтической натурой, был очарован.

— Расскажи мне всё о ней, — настаивал он; глаза его сияли мальчишеским энтузиазмом.

Лорри принялся описывать таинственную красавицу, почтенного дядю с тётей и все те детали, которые сбивали с толку и огорчали его.

— Это великолепно! — воскликнул Энгвиш. — Почище любого романа. Ей-богу, я не виню тебя. Будь у меня такой повод для любопытства и восхищения, я бы и сам отправился на край света.

— Может быть, я удовлетворю только любопытство. А может, не удастся и этого. Но кто знает о Граустарке?

— Не сдавайся, не попробовав. Если эти люди живут в таком месте, его можно найти. Завтра утром пойдём на большой вокзал и наведём справки. Мы найдём Граустарк, а потом отправимся туда и сорвём цветок. Всё, что тебе нужно, мой мальчик, — это импресарио. Я всё устрою.

— Легче сказать, чем сделать.

— Она послала тебе воздушный поцелуй, не так ли?

— Конечно, но, чёрт возьми, это потому, что она не ожидала увидеть меня снова.

— А ты, полагаю, послал ей поцелуй по той же причине?

— Я-то знаю почему: я не отвечал за свои поступки.

— Что ж, если она сделала это осознанно, значит, за это и отвечает. И я бы разыскал её и потребовал объяснений.

Лорри рассмеялся над его показным пылом, но был рад, что доверился энергичному соотечественнику. Одна голова хорошо, а две лучше. Ему, пожалуй, нравилась мысль о спутнике. Не потому, что он ожидал трудностей, а потому, что видел впереди странное одиночество.

Они обсуждали предстоящую поездку до поздней ночи.

— Что ты собираешься с ней делать, когда найдёшь её, Грен? — спросил Энгвиш, когда они, потягиваясь, поднялись, чтобы разойтись.

Лорри нахмурился.

— Я подумаю об этом потом.

— Думаешь, женишься на ней?

— Откуда мне знать? — воскликнул он свирепо.

— О, конечно, ты не знаешь. Может быть, она не захочет тебя. Может, она замужем. Но прости моё любопытство: зачем ты предпринимаешь эту охоту на полсвета? Только чтобы ещё раз взглянуть на неё?

— Ты спросил, думаю ли я… — Он запнулся.

— Будем считать, что жениться ты не прочь. Что ж, рад, что хоть что-то определилось. Отныне единственная цель наших усилий — сменить фамилию Гуггеншлоккер на Лорри. Спокойной ночи. Увидимся утром.

На следующее утро они объехали несколько вокзалов, наводя справки о Граустарке и Эдельвейсе.

— Она тебя дурачила, старина, — сказал Энгвиш после третьего вокзала. В его голосе было сочувствие.

— Нет! — воскликнул Лорри. — Она сказала правду. Граустарк существует, и она там живёт. Готов поручиться жизнью — достаточно вспомнить её глаза.

— Ты уверен, что она сказала — в Европе?

В глубине души Энгвиш верил, что Гуггеншлоккеры обманули старого Грена. Если бы не уверенность Лорри, он бы посмеялся над его простодушной доверчивостью. Но он был достаточно снисходителен, чтобы выждать. Лорри был так твёрдо уверен, что невыносимо было бы видеть, как рассеивается его мечта.

Наконец, в отчаянии, после двух дней бесплодных поисков, Лорри был готов смириться.

Но Энгвиш, с упрямством наполовину побеждённых, запротестовал:

— Мы пойдём в библиотеку. Или на почту. Вот! Почему мы не подумали об этом? В почтовой службе знают всё.

Они посетили главный почтамт. После долгих мытарств их направили к нужному отделению. Менее чем через пять минут они обладали фактами, которые оправдали мисс Гуггеншлоккер, вознесли Лорри на седьмое небо и повергли Энгвиша в агонию нетерпения.

Граустарк оказался маленьким княжеством далеко на востоке. Эдельвейс — город с населением около семидесяти пяти тысяч. Затем в конторе Бедекера они после долгих поисков отыскали княжество на большой карте — и в смятении переглянулись.

— Чертовски далеко до этого маленького красного пятнышка на карте, — задумчиво произнёс Лорри. — Какое дикое место для такой девушки! И эта миловидная старая леди, и благородный дядя Каспар! Можно подумать, там живут варвары.

— А меня это место всё больше интересует! — воскликнул Энгвиш. — Я готов отправиться в путешествие, если ты не передумал.

Они поспешно приготовились. Энгвиш, романтичный и жаждущий приключений, посоветовал купить пару пистолетов и по ножу на брата — мало ли, разбойники. Лорри высмеял его, но, потакая другу, всё же купил пару револьверов. Вскоре они со всем багажом мчались через Францию.

Путешествовать было приятно. Оба довольно хорошо говорили по-немецки и пользовались каждой возможностью освежить язык. Энгвиш, жизнерадостный и уверенный, всей душой отдался этой странной любовной экспедиции и без умолку говорил о том, как их примет далёкая хозяйка.

Через два дня они добрались до большого города — первой пересадки, а оттуда предстояло ещё семьсот миль до другого. Расстояние от этого пункта до столицы Граустарка составляло двести миль, в основном через горы.

— Если не сойдём с рельсов, этот поезд доставит нас в нужный город, — сказал Энгвиш, вытягивая ноги. — Утомительное путешествие. Я буду рад войти в приличную гостиницу и снова почувствовать себя цивилизованным человеком.

— Одно несомненно, — сказал Лорри, глядя в окно. — Люди и дома здесь другие. Посмотри на тех всадников.

— Что я тебе говорил! Разбойники! — воскликнул Энгвиш. — Если эти парни не бандиты, я потеряю веру во все романы.

Поезд медленно проехал мимо трёх всадников на холме. Люди, живописно одетые, с длинными винтовками, выглядели свирепо. Когда проводник вошёл в вагон, Энгвиш спросил по-немецки, кто это.

— Пограничная полиция, — ответил тот по-английски, улыбнувшись их изумлению.

Оба американца встали и пожали ему руку.

— Ей-богу, приятно услышать родную речь, — воскликнул Энгвиш.

— Как вы получили здесь место? Вы англичанин? — спросил Лорри.

— Нет. — Проводник слегка покраснел. — Моя фамилия Сицки, и я американец.

— Американец!

— Так точно. Служил матросом на американском военном корабле. Пару лет назад влип в историю в Константинополе, пришлось уйти. Забрёл в эти края и устроился на железную дорогу.

— Вы хорошо знаете Эдельвейс?

— Бываю там через день. Прекрасное место. Город поднимается прямо в гору до самой вершины, где живут монахи — прямо в облаках. Говорят, там почти всё время идёт снег.

От словоохотливого проводника они узнали много о стране и городе.

— Граустарк этот, насколько я понимаю, вроде как отдельное государство, а может, и владение при Империи, но правят им свои правители. Эдельвейс — столица, там живут все тутошние шишки. Я ходил смотреть замок, где живёт княгиня со всей своей знатью. Говорят здесь на своём языке — я ни слова не разберу, но иногда попадается парень, который говорит по-французски или по-немецки. У них небольшая армия в две-три тысячи человек, и мундиры роскошнейшие — красные, чёрные и золотые. Была тут не так давно война — лет десять-пятнадцать назад. К северу есть другая маленькая страна, они из-за чего-то поссорились и, как рассказывают в Эдельвейсе, около года дрались как черти.

— Кто победил?

— Я не уверен. Послушать людей в Эдельвейсе, так они выбили дух из тех парней, но я так понял, что другие захватили город и потребовали контрибуцию. Сейчас всё процветает. Самый мирный город, какой я видел.

— Вы когда-нибудь слышали о Гуггеншлоккерах? — спросил неугомонный Энгвиш.

Лорри захотелось пнуть его.

— В Эдельвейсе? Никогда не слышал. Ваши друзья?

— Знакомые, — поспешно вмешался Лорри.

— У вас не будет проблем их найти, если они хоть что-то собой представляют. В гостинице должны знать.

— Кстати, какая там лучшая гостиница?

— Есть «Бурновенц», но есть и шикарное заведение под названием «Регенгетц». Слишком дорогое для меня, но вы, джентльмены, возможно, можете себе его позволить.

— Мы не останемся в долгу, Сицки.

— Пустяки. Американцы должны держаться вместе.

Когда они прибыли в Эдельвейс под вечер, Сицки закончил свою работу и присоединился к ним. Лорри и Энгвиш с жадным интересом разглядывали всё: странных людей, странные здания, странные костюмы, дышали атмосферой древности.

Эдельвейс действительно был городом на склоне горы. Город буквально уходил в облака. В этом зрелище было что-то величественное, невероятное. У каждого возникло ощущение, что гора вместе с людьми вот-вот обрушится ему на голову.

— Я понимаю, что вы чувствуете, — смеясь, заметил Сицки. — Завтра вы пройдёте вверх по склону и увидите, какая часть города стоит на ровном месте. Те здания наверху — летние дома богатых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.